

УВАЖАЙТЕ МАЛЕНЬКИХ!

ДЕРЕВУШКА над оврагом. Перед окном дома, в котором я живу, по тропинке с утра прохаживаются соседский мальчишка лет пяти. На нем обновка — купленное на вырост пальтишко, руки до кончиков пальцев утонули в длинных рукавах.

— Ах, Уткин, какой ты нарядный! — говорит ему разные тети, знакомые и незнакомые.

Я вижу в окно, как он, проводив взглядом очередную комплиментщицу и вдруг заново осознав великое событие в своей жизни, начинает топтать по тропинке как то особенно, с каблучка на носочек...

А вечером его дерут. Порют Уткина. Не знаю — за что. Слышу горький вопль, в нем и боль, и душевная обидка. Спешу на выручку... Ох, даже нового пальто не снял с человека!

Я почему-то вспоминаю этого Уткина, читая письма редакционной почты. Отцы и матери, дочери и сыновья, учителя из школ пишут о семейных конфликтах, о кризисе отношений между взрослыми и детьми... И дети — уже, собственно, не дети, 15—17 лет... Пишут главным образом об этом возрасте, когда на пороге зрелости дети вдруг перестают понимать родителей, родительская власть рушится и на ее обломках рождаются какие-то новые отношения. И мать с отцом уже не могут управлять по-старому. И дети полны решимости отстаивать свои права.

А я вспоминаю мальчишку Уткина и этот непостижимый день его жизни, когда он с чувством собственного достоинства выхаживал с каблучка на носок, а потом ревел и стоял в новом пальтишке под любящим папиным ремнем.

Всем жалобщикам на своих непокорных и упрямым неслухам мне хочется сказать: уважайте малышей!

Пишет учительница Р. Лавская из Киева:

«...В каком состоянии может находиться Люда, если она проснулась от ругани, криков пьяного отца, ввалившегося домой среди ночи? Девочка потеряла голос от испуга, и это было тем более для нее, что произошло накануне утренника, на котором она не смогла выступить...»

А ведь она с увлечением, долго готовилась к нему со своими подружками.

Пишет М. Лысенко из Краснодара под впечатлением родительского собрания в школе № 28. Он с тревогой выслушал рассказ учительницы П. Морозко, а она сообщила одну только неприкрашенную правду. Люба В. перестала ходить в школу. Мать и отец долго не хотели объяснить причину, потом признались: Люба вернула дома деньги... Вместе с другим сорванцом Валентином В. она каким-то образом стащила из клуба строителей, находящегося рядом со школой, пачку наградных грамот. Когда вызвали мать Валентина в школу для объяснений, мальчик на глазах учительницы ударил мать по лицу и убежал. Спустя несколько дней удалось узнать, что он уехал в автобусе за двести километров, к родне.

Пишет из села Кугульта, Ставропольского края, учитель П. К.:

«У меня две дочки: одна ходит в восьмой класс, другая — только в первый. Я хочу хорошо их воспитать. Младшая охотно ходит в школу, слушает нас, родителей. Старшая тоже хорошо учится. Но по субботам и воскресеньям вечером она ходит гулять. Я спросил ее: «Не могут ли эти прогулки помешать в учении?» Она ответила: «Нет, ничто мне не помешает учиться... А я вас все-таки хочу спросить: «До какого же часа следует ей гулять по вечерам?»

До какого же часа — и все тут! Человек спрашивает рецент.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ДАГОМИСЕ

В «Литературной газете» № 124 и № 147 за прошлый год («Преступление в Дагомысе» и «Чужак») рассказывалось о зверском убийстве матери и сына Астаховых совершенном жителем села Дагомыс И. Целуевом.

Приговор Краснодарского краевого суда, осуждающего преступника к высшей мере наказания — расстрелу, Верховный Суд РСФСР оставил в силе. Ходатайство Целуева о помиловании отклонено. Приговор приведен в исполнение.

Очень давно, кажется весной 1933 года, Алексей Жмакин и Юрий Герман рассказали мне несколько эпизодов из жизни Феликса Эдмундовича Держинского и посоветовали написать историю рассказов для детей о чехистах. Разговорившись с товарищами, работавшими под руководством Держинского, я еще в те годы узнал много интересного о великой борьбе ленинской партии за человека.

Мой роман «Один год», отрывок из которого здесь печатается, — одна из попыток рассказать о борьбе за человека, о доверии к человеку сплотившемуся, тяжело ошибавшемуся. Алексей Жмакин в начале неопытен в своей судьбе, потом тяжело выживает. Старый чехист, рабочий милиции, основной герой романа Иван Михайлович Лапшин ведет длительную, тяжелую, порой мучительную борьбу за Жмакина, с самим Жмакиным.

В апреле книга выйдет из печати в издательстве «Советский писатель».

Юрий ГЕРМАН

За одним часом лил дождь, а Жмакин, отработав смену, читал газету. Работавший в декларации Народного собрания Западной Белоруссии о национализации банков и крупной промышленности и закурив, он опять через коммутатор вызвал город и милицию, но телефон Лапшина был занят. Сейчас бывший милиционер Демьянов сказал Жмакину, что Лапшин вернулся из отпуска с женой и приступил к работе, но дозвониться до Ивана Михайловича Алексея никак не мог.

Он опять почтительно в Западной Европе — там между Мозелем и Пфальцским лесом стреляли пушки. Вздохнув, Жмакин солидно покачал головой и сказал, как говорили многие опытные шоферы автобазы:

— Да, пахнет пороком...
— Чем пахнет? — сонно спросил задремавший было Никанор Никитич.

— Войничий пахнет, — сказал Жмакин и принялся считать полочку. Деньги он раскладывал в маленькие пакетики, обертывая в бумажки и на бумажках писал: «В счет погашения бывших долгов», «цибилет», «на перевод». Получив паспорт, он тотчас же перебрался в Ляхту. Никанор Никитич нанял плащ и ушел в столовую.

Разобравшись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

— Так, промолвил он, оглядывая часовню, — вы, гражданин, присядьте и отдохните, а мы произведем обыск.

— Ордер у вас имеется? — спросил Жмакин. Он старался собраться с мыслями и даже подумал, что надо «взять себя в руки», но тотчас же забыл о своем намерении.

— Насчет ордера ему надо знать! — сказал высокий. — Ни в чем не повинный человек, чистый, как слеза, он беспокоится, как бы его не забрали даром. Все у нас имеется, все, детка, — побуждавший и Алексей, он бавил он, — мы люди законные, и дела наши законные.

— Разговорившись с полочкой, Жмакин еще раз снял телефонную трубку, но теперь был занят коммутатор автобазы. Когда он повесил трубку, в комнате стало совсем темно. Тяжелые капли дождя били в стекла. Кто-то

застучал в дверь — Открыт о! — крикнул Жмакин. — Дайте! Опять застучали.

Жмакин отворил дверь и пошатнулся. На крыльце часовый стоял высокий незнакомый человек в милицмейской форме, другой — поменьше, в кепке и в кожанке, а сзади

был дворник автобазы толстый Антоныч. — Вы Жмакин? — спросил высокий. — Я, — слабей, ответил Жмакин, — я и есть Жмакин.

— Пройдете, — сказал высокий, слегка грудью напирая на Жмакина.

Они вошли в часовню и закрыли за собой дверь. Дворник зажег элентричество. Жмакин взглянул в лицо высокому. Это был человек с вышеренными передними зубами, с безстрастным и сухим загорелым лицом, со светлыми пухляватыми глазами. Загар у него был красивый, не здешний, и лицо было спокойное, уверенное.

КУДА ТЫ ИДЕШЬ, ЛИДА?

ФОТОРЕПОРТАЖ
СПЕЦИАЛЬНОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»
М. МИХАЙЛОВА

В РЕДАКЦИЮ нашей газеты пришло письмо. Приводим его, намеренно оставляя некоторую нескладность стили.

Дорогая редакция!
Прошу Вас в следующем номере «Литературной газеты» сообщить мне Ваше мнение. Я в 1959 г. окончила 10 классов. Сейчас, в данный момент, я не учусь. Но я думаю, все свои силы отдать на благо церковным делам. Вы не думайте, что я пишу от нечего делать. Нет, это не так. Но мне кажется, что в основании моего будущего труда будет лежать несколько существенных недоразумений. Ведь раньше я никогда не думала о таком пути и таких намерениях. Мне жаль, но что делать, в глубине души я допускаю существование бога.

Прошу Вас сказать, какое у вас мнение. Может быть Вы, наставите меня на правильный путь. Мне несколько не стыдно, что будет читать газету все.

Лидя.

Я жду ответ в следующем номере.

Горько за тех учителей, которые, судя по письму, за десять лет учебы не научили Лиду ни элементарной грамоте, ни элементарному мышлению, ни простейшим понятиям о нашем мировоззрении. И все-таки мы решили ответить на письмо, поговорить о той цели, Лидя, которую ты ставишь перед собой.

Можно прожить жизнь для того, чтоб каждый день быть сытым, чтоб только были мягкая постель, прочная крыша над головой, теплая печь под боком. Прожить для личного благополучия, не думая о других. Но молодости больше, чем кому бы то ни было, присуще чувство самопожертвования, искреннего желания принести пользу. И тебе, Лидя, тоже хочется отдать свои силы какому-то делу. Возможно, ты думаешь, что с помощью бога ты сумеешь призывать к добру, воспитывать в людях честность, благородство и другие похвальные душевные качества. Ты можешь возразить: а почему нельзя быть полезным на избранном тобой поприще?

Чтоб не тратить слов попусту, давай чуть-чуть приоткроем завесу над существованием тех, кто служит богу. Поговорим документами, фотографиями.

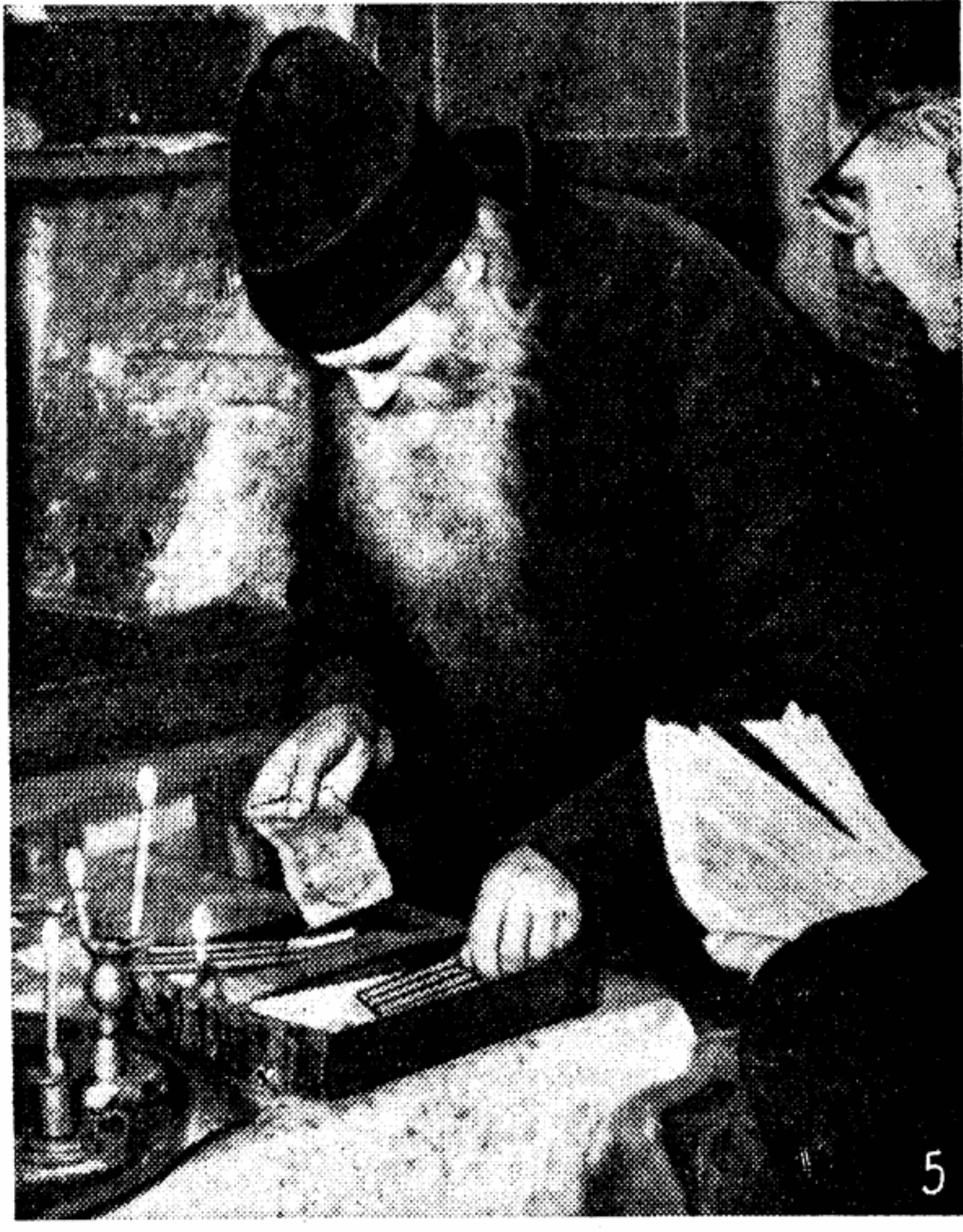
Взгляни на снимок 1. Звучат песнопения, превозносит хвала всевышнему. На лицах монахинь — печать благоговейного смирения. В Введенском монастыре, расположенном в центре города Киева, идет служба. Вот и сам монастырь (снимок 2), вот игуменья Елевферия (снимок 3). А вот документ, подписанный этой и поныне благополучно здравствующей игуменей. Он написан в декабре 1941 года, когда гитлеровцы бесчинствовали в Киеве, адресован председателю Киевской городской

управы. В нем черным по белому выражена благодарность немецким вооруженным силам за освобождение от «кварваров-большевиков» и просьба вернуть монахиням все монастырское достояние. И монастырь был возвращен, а из его помещений были выкинуты на улицу семьи тех, кто сражался против гитлеровцев.

Обрати внимание на снимок 4. Пожилая монахиня со смиренным поклоном преподносит просфоры. В декабре 1941 года, в день храмового праздника Введения, с такими же смиренными поклонами благодетельница игуменья Елевферия преподносила осященные просфоры рекхкомиссару Украины Эрнху Коху, присоединив к просфорам еще благодарственную телеграмму на имя Гитлера. А в 1942 году она телеграфно нижайше поздравила Гитлера с днем рождения.

Еще раз, Лидя, взгляди в лицо старой игуменьи. Прежде она пресмыкалась перед теми, кто расстреливал в Бабьем Яру киевских женщин и детей, пресмыкалась перед нашими врагами, теперь она старается жить с нами в мире и, наверно, ничтоже сумняшеся, воздает хвалу нашему строю. Взгляди в ее лицо и подумай: благодарить или растлевать души людей может человек с такой совестью? Подумай и ответь сама.

Снимок 5: старый монах Киево-Печерской лавры продает свечи. Благоговейные верующие отдают ему скромные рубли и десятки. В большинстве своем верующие — люди труда, рубли и десятки достаются им нелегко. Свечи, лампадное масло, подношения — рубли, десятки, сотни, и вот в 1959 году доход у лавры превысил два с половиной миллиона рублей. Причем в графе этого дохода

Рахучи, до Німецької окупації сиділа в монастирі і була в монастирському ігуменстві. Після війни вона вийшла з монастиря і тепер живе в місті. Це була ігуменья Елевферія, настоятелька монастиря.

«Реализация работ братии» стоит прочерк. Братия не работает, не приносит дохода, живет за счет верующих.

На снимке 6 из гаража выходит сверкающая «Волга». Но что за странный гараж? Почему он с куполом? Это часовня, стоящая на «святой» земле лавры, сама по себе своего рода святиня для верующих. Верующие всегда возмущались, если слышали, что во время войн вражеские солдаты устраивали в храмах конюшни. Святотатство! Кошунство! Но если не в военное время и не вражеские солдаты, а сам наместник лавры епископ Нестор сооружает из часовни гараж! Святая братия не находит это кошунственным. И у епископа Нестора совесть чиста — вот он на снимке 7, озабоченный святыми делами, садится в «Волгу», купленную на деньги верующих.

На снимке 8 ты видишь епископского келейника Павла Чупрова. Ему двадцать девять лет, он высок ростом, широкоплеч, силен и умен, конечно, мог бы работать. Но этот сильный мужчина предпочитает взбивать епископские пуховики. Сытый стол, теплый угол, при желании даже мирские развлечения — все для него оплачено «спасовой госпожой».

А вот и другое лицо (снимок 9) — Николай Просянников. Жизнь в миру ему что-то не задалась. Женится один раз — неудачно, второй — тоже, пришлось бросить обеих жен и сына. Не потому ли его назначили членом духовного совета лавры, что он имеет такой богатый житейский опыт — пусть, мол, наставляет на путь истины.

Мы лишь чуть-чуть приоткрыли тот мир, куда ты стремишься, Лидя. Взгляни на нижний снимок — черный отряд, никто из них не создает никаких ценностей, ни материальных, ни духовных. Взгляди пристальней в издое лицо, хочешь ли тебе увидеть себя среди них? С кем ты — с трудящимися или с иждивенцами, которых со временем сметет жизнь с лица земли?

В. ТЕНДРЯКОВ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ имени А. М. ГОРЬКОГО
объявляет творческий конкурс
Для лиц, желающих поступить в институт в 1960 году

В институте имеются отделения: прозы, поэзии, драматургии, критики и художественного перевода. (Набирается группа переводчиков с узбекского языка).

В институт принимаются творчески одаренные лица не старше 35 лет, имеющие законченное среднее образование и стаж практической работы не менее двух лет.

На творческий конкурс принимаются произведения желающих поступить в институт: рассказы, повести, пьесы, поэмы, стихи, критические статьи и художественные переводы на русский с узбекского языка. Неопубликованные произведения должны быть перепечатаны на машинке; написанные не на русском языке должны сопровождаться подстрочным переводом, а художественные переводы — оригиналом.

Выдержавшие творческий конкурс получают право подать вместе с установленными документами заявление о приеме в институт и допускаются к приемным испытаниям.

Срок представления произведений на творческий конкурс — до 25 мая. Произведения, отклоненные Конкурсной комиссией, возвращаются.

Адрес Конкурсной комиссии:
Москва, К-104, Тверской бульвар, 25.

Главный редактор С. С. Смирнов.
Редакционная коллегия: В. Н. Болховитинов, Ю. В. Бондарев, Б. А. Галин, Г. Д. Гулиа, В. А. Косолапов (зам. главного редактора), М. М. Кузнецов (зам. главного редактора), Б. Л. Леонтьев, Г. М. Марков, В. С. Медведев, В. А. Солоухин, Е. Д. Сурков, А. С. Тертерян.